

Еще раз о цензуре

"Еще раз", так как издательство уже писало об этом 20 лет назад (июль 1968 года) в выходявших тогда "Письмах друзей «Граней»".

Задолго до революции Ленин старался определить, какой будет литература при коммунизме: "Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения "верхним десяти тысячам", а миллионом и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность" (В. И. Ленин, соб. соч. 4-е изд., т. 10, сс. 30-31).

По-ленински понимаемая "свобода" литературы нашла себе воплощение через несколько дней после Октябрьского переворота в знаменитом декрете "О печати", изданном Советом народных комиссаров 9 ноября 1917 года. Согласно этому декрету подлежали немедленному запрещению органы печати: "1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению рабочему и крестьянскому правительству, 2) сеющие смуту путем явно-клеветнического извращения фактов, 3) призывающие к деяниям явно преступного, то есть уголовно-наказуемого характера". Поскольку определение того, что считать "клеветническим" и "уголовно-наказуемым" принадлежало большевистской партии, то все негодные направления, течения, издания и входили в категорию "преступных". Таким образом были закрыты кадетские газеты "Биржевые ведомости", "Речь", "День", "Новое время", меньшевистская "Рабочая газета" и множество других. Правда, авторы декрета "О печати" снабдили его оговорками и обещаниями: "Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности закону". Это в первой части декрета. А в "постановочной": "§ 8. Настоящее положение имеет временный характер и будет отменено особым указом при наступлении нормальных условий общественной жизни".

Конечно о нормализации этой жизни через три месяца еще не приходилось даже и думать, скорее наоборот, ибо 28 января 1918 года декретом Совета народных комиссаров был учрежден "Революционный Трибунал Печати" - "родитель" нынешнего Главлита. В декрете значилось:

"1. При Революционном Трибунале учреждается Революционный Трибунал Печати. Ведению Революционного Трибунала Печати подлежат преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати.

2. К преступлениям и проступкам путем использования печати относятся всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа, а также нарушения узаконений о печати, изданных Советской властью.

А еще год спустя, когда узаконенный партийный произвол начал реально ощущаться, писатель А. Эфрос следующим образом охарактеризовал обстановку (журнал "Москва", № 2, 1919 г.): "Прежняя книга - свободная, честная, созданная свободным писателем и ищущая свободного читателя - снята ныне с российского прилавка. На смену ей власть гонит новую книгу - книгу государственную, отпечатанную в государственных типографиях, сложенную в государственных книжных складах, почти принудительно продиктованную государственному автору программами го-

сударственных органов искусства... почти принудительно размещенную среди государственного читателя..." Таким образом были планомерно уничтожены все литературные группировки и объединения, не соответствующие партийному шаблону. К 1930 году положение на "литературном фронте" приняло то более или менее желаемое состояние, к которому стремилась советская власть и которое описывает Михаил Булгаков в письме к советскому правительству: "После того как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, дающие мне один и тот же совет: сочинить "коммунистическую пьесу", а кроме того обратиться в правительство с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик. Нельзя спастись от гонений, нищеты и неизбежной гибели в финале..."

В результате "дружеской и заботливой" партийной обработки, покорившиеся и сломленные писатели должны были превратиться в тех "государственных" авторов, о которых писал А. Эфрос. В своем выступлении на I съезде писателей Михаил Кольцов представлял их себе следующим образом: "Говорят появился чей-то проект: ввести форму для членов писательского Союза... Писатели будут носить форму, и она будет разделяться по жанрам. Примерно: красный кант - для прозы, синий - для поэзии, а черный - для критиков. И значки ввести: для прозы - чернильницу, для поэзии - лиру, а для критиков - небольшую дубинку. Идет по улице критик с четырьмя дубинками в петлице, и все писатели на улице становятся во фронт..." В то время Кольцов и многие другие еще позволяли себе шутить, не подозревая, что дубинка - не фигуральная - ударит их самих несколько лет спустя, и что они бесследно исчезнут.

А потом были недоброй памяти постановления ЦК партии по искусству, по всему искусству, а не только литературе. Этот ЦК о чем угодно может забыть: кормить народ, лечить его, учить, охранять природу и все прочие "мелкие" государственные обязанности, но о литературе, искусстве, идеологической "чистоте" - никогда!

Изменилось ли что-то сегодня? Может, кому-то кажется, что да, изменилось и к лучшему. А тогда что это? "Списка запрещенной литературы не существует - мы не боремся с конкретными авторами или книгами" - это с одной стороны. А с другой, тут же, как говорится, не моргнув глазом: "Запрещается ввоз изданий (не говоря уже о том, что собственная литературная продукция - Ред.), нацеленных на подрыв советского государственного строя, нарушение территориальной целостности и государственного суверенитета... Ввозу не подлежит продукция известных анти-советских и антикоммунистических организаций. Книги издательства "Посев", издания "Кристиан анти-коммунизм крусэйд", "Катакомб", "Индекс оф Сенсоршип", "Совет Аналист". Добавлю к ним издания белорусских, украинских, литовских националистических организаций в США, Канаде, Австралии, ФРГ". А о "Посеве" еще и особо: "... "Посев" выпускает произведения классиков с комментариями, которые отличаются ярко выраженной антисоветской направленностью". Это взято из интервью с А. Храмовым, зам. начальника Управления таможенного права. Из него также недвусмысленно вытекает факт существования огромной цензорной машины (например, можно ввозить любую периодику, за исключением все той же "подрывной", в число которой входят, в частности, карикатуры "на наших государственных деятелей"! Но какой же аппарат надо держать, чтобы следить за каждой (!) зарубежной газетой?). Но помогают службе таможенного контроля в ее трудной, но героической работе столь опытные "старшие братья" по ремеслу, как "пограничные войска, до нынешнего года выполнявшие досмотр печатных материалов, и Главлит" ("Московские новости", 5 марта 1989 г.). Нет, видно и через 71 год после декрета "О печати" еще не наступили "нормальные условия общественной жизни".

НАСТАЛА ОЧЕРЕДЬ МОЯ...*

Когда Россию захватили
И на растление обрекли,
Не все России изменили,
Не все в предатели пошли.

И набивались тюрьмы теми,
В ком живы были долг и честь.
Их поглощали мрак и темень,
Им ни числа, ни меры несть.

Стреляли гордых, добрых, честных,
Чтоб захватив, упрочить власть.
В глухих подвалах повсеместно
Кровища русская лилась.

Все для захватчиков годилось –
Вранье газет, обман, подлог.
Когда бы раньше я родился,
И я б тогда погибнуть мог.

Когда, вселяя тень надежды,
Наперевес неся штыки,
В почти сияющих одеждах
Шли Белой Гвардии полки,

А пулеметы их косили,
И кровь хлестала, как вода,
Я мог погибнуть за Россию,
Но не было меня тогда.

Когда (ах, просто как и мудро)
И день и ночь, и ночь и день,
Крестьян везли в тайгу и тундру
Из всех российских деревень,

От всех черемух, лип и кленов,
От речек, льющихся светло,
Чтобы пятнадцать миллионов
Крестьян безвинных полегло,

Когда, чтоб кость народу кинуть,
Назвали это – "перегиб",
Я – русский мальчик – мог погибнуть
И лишь случайно не погиб.

Я тот, кто, как ни странно, вышел
Почти сухим из кутерьмы,
Кто уцелел, остался, выжил
Без лагерей и без тюрьмы.

* Из новой книги стихов "Северные березы" ("Грани" № 152(2), 1989).

Что ж, вспоминать ли нам под вечер,
В передзакатный этот час,
Как, души русские калеча,
Подонков делали из нас?

Иль противостоя железу
И мраку противостоя,
Осознавать светло и трезво:
Приходит очередь моя?

Как волку вырваться из круга,
Ни чувств, ни мысли не тая?
Прости меня, моя подруга,
Настала очередь моя.

Читая Ленина*

Сколько раз в разных официальных кабинетах, у главного редактора журнала, скажем, у секретаря райкома, в облисполкоме, в застекленных шкафах я видел ровные, темно-бордовые и темно-синие ряды книг, к которым и подходить близко было не нужно, чтобы сразу отметить – Ленин. Знали уж собрания его сочинений, узнавали издаലെка по внешнему виду безошибочно, как, взглянув на тот же Мавзолей на Красной площади, никто не спутает его с каким-нибудь другим зданием. Держать собрание сочинений Ленина каждому большому начальнику (директору завода, генералу какому-нибудь) считается не то чтобы обязательно... но как-то солидно и внушительно: письменный стол с телефонами, а около боковой стены застекленный шкаф с томами Ленина. Много их стоит у разных людей, в разных кабинетах, но не многие Ленина читали. Если же кружки по изучению первоисточников, партучеба и семинары, то как-то так получается, что начинают все время с ранних работ: "Материализм и эмпириокритицизм", "Что делать?", "Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов". Пока обучающиеся продерутся сквозь философские дебри этих работ, пока конспектируют, глядь, а семинарский год уже кончился, так что ни на одном семинаре, ни на одной партучебе никогда дело не доходит до поздних его томов, до того времени, когда кончается философия и начинается практическая деятельность.

Взглядывая на эти тома в кабинете кого-нибудь из своих достигших официальных высот друзей, я бывало ловил себя на мысли, что не читал Владимира Ильича и теперь уж, слава Богу, пожалуй, никто и никогда не сможет меня заставить прочитать эти книги.

То ли от этого "эмпириокритицизма" осталось, что напичканы эти тома сухой, схоластической, неудобовоспринимаемой материей, но помню, я всегда удивлялся, если видел человека, читающего Ленина.

– А ты почитай, – скажет иной такой человек. – Ты почитай, знаешь, как интересно!

Но часто бывает, что маленький, незначительный эпизод вдруг заставит взглянуть на вещи по-новому, другими глазами, когда вдруг увидишь, чего не видел раньше, и станет интересным, даже жгуче интересным то, что казалось скучным.

Один читатель, пытаясь внушить мне в своем письме какую-то (не помню уж теперь) мысль о первых днях революции, написал: "А вы откройте Ленина, т. 36, пятое издание, стр. 269 и прочитайте, что там написано".

* "Грани" № 151(1), 1989. Из готовящейся к печати книги В. Солоухина "Последняя ступень".

Нельзя сказать, чтобы я тотчас бросился открывать том, да и не было его у меня под руками, потому что дома я никогда Ленина не держал. Однако том и страница запомнились, и однажды на заседании редколлегии в одном журнале я оказался около шкафа с книгами. Пока говорились там умные речи и обсуждались планы, я вспомнил про наушение читателя и, потихоньку приоткрыв дверцу шкафа, достал нужный том. Наверное, еще подумали мои коллеги, что я собираюсь выступать с речью и хочу вооружиться необходимой цитатой, а я сразу, сразу на стр. 269. Строчки ведь указаны не были, так что мне пришлось прочитать всю страницу, и я сразу понял, о каких именно строчках шла речь в письме.

"Я перейду наконец к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и речь. Попало здесь особенно лозунгу "Грабь награбленное", - лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное... Если мы употребляем слова "экспроприация экспроприаторов", то почему же нельзя обойтись без латинских слов?" (Аплудисменты).

Я и раньше слышал, будто существовал такой лозунг в первые же дни революции и что будто бы он принадлежал лично Владимиру Ильичу. Но тогда я думал, что он существовал по смыслу, по сути, а не в обнаженном словесном оформлении, и теперь, должен признаться, меня немного покорила откровенная обнаженность этого лозунга. Прочитанные строки были взяты из заключительного слова по докладу "Об очередных задачах советской власти". Времени было еще много, заседание редколлегии еще только началось, я стал листать оказавшийся в моих руках том и очень скоро понял, что листанием тут не обойдешься, что надо его внимательно прочитать.

Теперь я хочу сделать для возможного читателя моих записок извлечения из этого тома, как я делал извлечения, скажем, из Метерлинка или Тимирязева, когда писал о траве. Извлечения на свой вкус, разумеется. Другой, возможно, выписал бы другие места, другие мысли... Впрочем, нет, мысли не другие, ибо и те и другие мысли были бы ленинскими. А известно, насколько единым, целостным и целеустремленным был Владимир Ильич в своих мыслях /.../

... Итак, допустим, что с недели ждали мировую революцию и тогда надеялись триумфальным шествием пройти по всему миру, хотя это предположение говорит больше не о гениальности, а о слепоте и фанатизме. Но опять возникает вопрос: ради чего, зачем и что принести всем народам? Да то же самое: всеобщий учет, контроль за распределением продуктов. Всеобщую трудовую повинность. Подчинение миллионов (а тогда уже миллиардов бы) людей единому плану, единой воле, единому руководителю с диктаторскими полномочиями. Зачем? Ради чего? Зачем живых, инициативных, самостоятельных людей превращать в единый, послушный, но зато безмозглый государственный механизм, весь подчиняющийся нажатию одной кнопки?

Допустим, что - банальная идея мирового господства, осуществленная не путем походов Юлия Цезаря, Александра Македонского или Наполеона, но путем хитрой отмычки так называемой классовой борьбы и натравливания в каждой стране одной части населения на другую. ("Речь идет не о нашей борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой". - Ленин.) Допустим, что банальная идея мирового господства. Но для кого? Чье господство? Желание римского императора господствовать над миром чудовишно, но понятно так же, как любой другой могущественной нации. Но здесь-то чье господство? Неужели только свое? Или своей группы? Но ведь остается пять-шесть лет жизни... Ну пусть Сталин потом господствовал тридцать лет, но все равно, неужели ради этого надо потрошить народы, истреблять физически лучшую часть каждого народа, морить его голодом, держать в тюрьмах и лагерях, загонять в колхозы, лишив земли, лишив заинтересованности в труде, не говоря уже о поззии труда, о его радостях, хотя и сопряженных с тяжестью. Труд есть труд. Всякий труд тяжел и связан с потом. Но все же, когда он - трудовая повинность, он тяжек стократ.

А еще удивляюсь, как им, если бы даже и с благими (как им, может, казалось) целями, как им не жалко было пускать на распыл, а фактически убить и сожрать

на перепутье к своим высоким всемирным целям такую страну, какой была Россия, и такой народ, каким был русский народ? Может быть, и можно потом восстановить храмы и дворцы, вырастить леса, очистить реки, можно не пожалеть даже об опустошенных выеденных недрах, но невозможно восстановить уничтоженный генетический фонд народа, который только только еще приходил в движение, только еще начинал раскрывать свои резервы, только еще расцветал. Никто и никогда не вернет народу его уничтоженного генетического фонда, ушедшего в хлюпающие грязью, поспешно вырытые рвы, куда положили десятки миллионов лучших по выбору, по генетическому именно отбору россиян. Чем больше будет проходить времени, тем больше будет сказываться на отечественной культуре зияющая брешь, эти перерубленные национальные корни, тем сильнее будет зарастать и захламляться отечественная нива чуждыми растениями, мелкотравчатой шушерой вместо поднебесных гигантов, о возможном росте и характере которых мы теперь не можем и гадать, потому что они не прорастут и не вырастут никогда, они погублены даже и не в зародышах, а в поколениях, которые бы еще только предшествовали им. Но вот не будут предшествовать, ибо убиты, расстреляны, уморены голодом, закопаны в землю.

Гены уходят в землю, и через два-три десятилетия не рождаются и не формируются новые Толстые, Мусоргские, Пушкины, Гоголи, Тургеневы, Аксаковы, Крыловы, Тютчевы, Феты, Пироговы, Некрасовы, Бородины, Римские-Корсаковы, Гумилевы, Цветаевы, Рахманиновы, Неждановы, Вернадские, Суриковы, Третьяковы, Нахимовы, Яблочкины, Тимирязевы, Докучаевы, Поленовы, Лобачевские, Станиславские и десятки и сотни им подобных. Списки можете продолжать сами...

Простое порабощение лишает народ цветения, полнокровного роста и духовной жизни в настоящее время. Геноцид, особенно такой тотальный, какой проводился в течение целых десятилетий в России, лишает народ цветения, полнокровной жизни и духовного роста в будущем, а особенно в отдаленном.

Генетический урон невосполним, и это есть самое печальное последствие того явления, которое мы, захлебываясь от восторга, именуем Великой Октябрьской Социалистической революцией.

Поколение, которого нет

В прошедшем 1988 году взрывоподобный процесс в советском издательском деле еще больше расширился. Сочинения, по замыслу лидеров перестройки – символизирующие гласность, закрепили свои роли в Комитете по государственным премиям. После некоторой борьбы мнений премию получил роман "Белые одежды" Дудинцева, а также повесть Приставкина "Ночевала тучка золотая". "Дети Арбата" премией были обнесены, хотя их шансы в сравнении с "Белыми одеждами" стояли одинаково высоко. "Толстые журналы" в прошедшем году открыли своеобразный "новый портфель", причем содержание этих портфелей яснее определило лица направлений: "Огонек", "Новый мир", "Юность" подались еще левее, либеральной, а "Наш современник" и "Москва" – в противоположное направление, условно – консервативное. Надо только помнить, что в отношении СССР эти понятия – либерализм и консерватизм – означают совсем не те вещи, какие обычно под ними понимаются. Собственно, обе эти тенденции делают одно дело, и споры, как кажется, сводятся лишь к тому – кто лидирует в этом деле и как скоро его нужно бы делать. Дело же это прежнее: борьба за власть. По всей видимости, отдаленной целью, может быть, и не вполне осознанной, всей работы в издательском деле является выработка нового языка, соответствующего грядущей эпохе стабилизации общества на основе националистической, предвещением которой и переходной фазой служит сорвавшийся с цепи неправдоподобный плюрализм. На фоне последнего, весьма разрушительного, с точки зрения многих слоев общества, последующий процесс стабилизации был бы поддержан обеспокоенными и уставшими от шума многими колеблющимися сегодня между мечтами о государстве западного образца и страхом дестабилизации жизни. В конечном счете этот "середняк" и решит дело, полагая, что принял решение совершенно самостоятельно.

Новый издательский портфель, открывшийся в 1988 году, содержал уже в себе нечто новое в сравнении со старым: это были не только сочинения писателей, придавленных дома, никуда не уезжавших, но и эмигрантов. Сначала дело касалось мертвых, а потом дошло и до живых. "Новый мир", "Юность", "Нева", "Знамя" и другие напечатали материалы разнообразных жанров: произведения и интервью, письма и мемуары из наследия Ходасевича и Набокова, стихи Коржавина и Кублановского, но говоря уже о Бродском, начал публиковаться "Чонкин" Войновича, скоро, возможно, выйдет "Вечер у Клер" Гайто Газданова и "Школа для дураков" Саши Соколова. Этот перечень – лишь незначительная часть материалов, вошедших в новый портфель гласности.

Скажем, лежал в нем даже "Архипелаг ГУЛаг", да вот не выскочил из него, хотя газета "Рабочий путь" (орган Юго-западной ж. д.) напечатала – таки "Жить не по жи" под девизом "Знать правду".

Эти публикации писателей-эмигрантов удачно заполнили собой нишу, образовавшуюся после того, как исчерпался первый портфель боевиков "десталинизации", к слову сказать – успевший набить кое-кому оскомину. Здесь, кстати, имеется в виду не тот контингент читателей, который с самого начала отрицательно реагировал на все происходящее. Нет, имеется в виду тот, кто был поначалу сторонником или колеблющимся, "середняком", но теперь начал пугаться. Или – разочаровываться. Последняя реакция – вполне естественна для людей, которые вдруг начинают осознавать, что процесс гласности столь же управляем, как и любой иной.

Не испугавшиеся, а именно эти, разочаровывающиеся, их реплики, их слабые голоса, такие лирические и скромные, едва не задушенные громкокопящим митингованием, представляют особый интерес. Возможно – эти люди и есть средоточие искренности, ума и подлинной культуры. Как правило, они имеют отношение к творчеству – писательскому или иному. Надежды этих людей на свободный рынок искусств на третьем году гласности пошатнулись. Скептицизм стал занимать все больше

места в их оценках происходящего. Самиздат попрежнему остается ареной их деятельности, которая качеством нередко превосходит продукцию официальных портфелей. И хотя среди этих людей представители всех возрастов, но в целом их стали называть "поколением", и это поколение объявлено между делом порождением застойной эпохи, непродуманным от рождения – осклопленным, или, говоря официально, "молчаливым".

В последнем номере года журнала "Юность" опубликована статья Ольги Хрустальной, выразившей именно это разрушение надежд и скепсис. И вызывающее самые теплые чувства своеобразное удивление происходящему, свидетельствующее о непосредственной наивности автора и тех, от имени которых она пишет. От имени тех, кто испытывает недоумение и боль, вдруг начиная понимать, что "революция" в словесности, вернее – в издательском деле, их-то вовсе не касается. От имени тех, кто с этой болью спрашивает: почему мы по-прежнему пишем в стол? Почему нас называют "поколением молчащих" или "поколением, которого вовсе нет"? Ведь качество наших сочинений подчас выше вашего пресловутого "среднего уровня", ведь нас, не вас, волнуют вечные универсальные проблемы, литература, а не конъюнктура, как бы прогрессивна она ни была.

От лица этих людей пишет не только Хрусталева в своей статье "Леониду Жуховицкому, который есть, от поколения, которого нет", но и, скажем, Алла Латынина в "Литературной газете" в своем обзоре литературы 1988 года. Сочувствие же к проблемам, волнующим этих авторов, приводит – по каким-то странным ассоциациям? – к еще одной, не играющей в процессе гласности никакой роли публикации: речь идет о романе Умберто Эко в "Иностранной литературе", романе "Имя Розы". Я уже, в сущности, признался, что в целом разделяю чувства Хрустальной, Латыниной и тех, кто не получил возможности высказаться громко о том же. Разделяю, хотя не испытывал разочарований, поскольку никогда их надежд не имел. И мое сочувствие, с одной стороны, и упомянутая разница в надеждах, с другой, толкают меня на высказывание, которое может вызвать, мягко говоря, недоумение. Я знаю, на какие шишки напрашиваюсь, но тем не менее...

Наиболее полезной публикацией прошедшего года я считаю этот самый роман Умберто Эко "Имя Розы". Хотя в любой период советской истории – застойный или смертоубийственный – подобные публикации бывали, но именно они поддерживали неразрывную связь резервированной русской словесности с мировой культурой. Для нынешнего и будущего русской словесности появление таких диссонирующих с конъюнктурой, таких противоположных боевикам "сталинизации" или "десталинизации", таких утонченных образов универсальной мировой культуры много важнее, чем все "Дети Арбата", пусть они и в белых без видимых пятен одеждах.

Все дело именно в том, что освобождение от любой конъюнктуры, пусть и прогрессивной сегодня, для литературы куда важнее, чем требуемая от нее прагматическая польза, как бы прекрасна эта польза ни была. Свобода от конъюнктур, вот чего не коснулась литература и нынешней "революции". И революционная нынешняя свобода оказалась не менее требовательной хозяйкой, чем, скажем, рабство застой, и немедленно наложила на искусство слова новые ограничения. На искусство слова и на его жрецов, решивших было, что достаточно лишь разрешения быть свободным, объявления всех свободными, чтобы появились мировые шедевры. Непоявление таких шедевров – еще одна причина для крушения иллюзий и надежд. А публикация, к тому же столь запоздалая, романа Эко, это настоящий упрек, укор всем портфелям революционной литературы.

Прежде всего потому, что революционная конъюнктура бросила словесность в политику. Бурная политизация литературы, напоминая ситуацию эпохи либерализма после освободительных реформ Александра Второго, есть не побочный эффект процесса, а желаемый. Политизация литературы и общества в целом радует "прорабов" перестройки, а между ними есть и литераторы, для которых естественней было бы наоборот – ужасаться этому. Поскольку именно они, литераторы, должны бы знать – как далеко от подлинной сути литературы отстоит требование ее участия в общественной актуальной истории. Знать, что столь желаемые ими сегодня произведения мирового уровня просто невозможны, коли литература по-прежнему предлагается лишь служебная политике роль. После упомянутых выше освободительных ре-

форм прошлого века, когда так же, как и теперь, либерализм и служение ему стало политической конъюнктурой, а передовая общественность и искусство стали рьяно именно служить, как раз тогда и были оплеваны шедевры мирового масштаба — "Бесы" Достоевского, "Загадочный человек" Лескова. Причем оплеваны и их авторы — с двух сторон: со стороны либерального правящего класса и со стороны свободоборческой интеллигенции. Историк Сергей Соловьев остроумно охарактеризовал эту ситуацию: "Вчера я ложился спать проклятым либералом, а сегодня проснулся проклятым консерваторм". Таково положение человека вне конъюнктуры, какова бы она ни была, пусть даже освободительная. А между тем в этих людях, стоящих вне конъюнктуры, заложено зерно подлинной свободы, которое следовало бы поддерживать и поощрять публикациями, а не записывать в мертвые при жизни, называть "молчачами и несуществующими"...

Между тем понятно же, что шедевры — вещь редчайшая, отнюдь не массовая. И что рождаются они не благодаря решениям и объявлениям, а как раз им вопреки. И в первую голову вопреки не государственной цензуре, не столько ее запретам, сколько вопреки самоцензуре, которая так охотно поддается наживке пользы, а, стало быть, вопреки даже желаниям передовой, прогрессивной интеллигенции, собратьев даже по духу или близким друзьям. Иначе говоря, автор, такие сочинения рождающий, обречен быть со всех сторон проклятым, со всех общественных позиций глядя, обречен называться молчачим и причислен к такому же поколению, несмотря на любой возраст.

И вот публикация романа Эко и есть подарок таким авторам, поддержка их существования и упорствования в крамоле, а равно и укор — другим, непохожим на первых, как весточка явлений непреходящих, в отличие от, понятно, преходящих. Эта весточка — из мира, где по-прежнему бродят вечные литературные идеи, где преемственность и родство слажены не между колбасой и национальным вопросом, как бы ни были важны они сами по себе, и литературой, а между себе подобными культурными явлениями. Где родственниками являются гениальные слепцы Борхес и Гомер, несмотря на разницу в возрасте и воззрениях, где "Сто лет одиночества" лишь комментарий к рассказу первого слепца, а "Имя Розы" — комментарий к комментарию. Где литература — живет сама по себе, а не служит всем господам. Именно такая жизнь литературы есть ее надежда на будущее существование — то есть не молчание, а говорение, это и есть ее родина и родимая почва. Будет ли подобная почва создана в результате нынешней "революции" и в русской словесности? Может ли она выздороветь от микроба колбасных общественных интересов и инфекции политики? Это вопрос.

Нужно учиться и учиться пользоваться теми ограничениями, которые накладывает на художника свобода. А они, эти ограничения, проявляются ярче всего в извращенно-тесных связях с так называемыми интересами. С пользой...

И вот, кладя рядом практически весь спектр продукции гласной литературы, в особенности ту ее часть, где находится капитал членов всяких выездных сессий, кладя рядом с книгой Умберто Эко, можно и найти в ней тот самый урок и укор, о котором шла речь. Можно по-разному отнестись к этой книге, но то, что она собою представила, ее цели, дополнительно разъясненные автором, и ее истоки, это и есть та самая весточка от миров, которые есть, мирам, которых нет — доказательство несуществующим поколениям их реального бытия. Да, может быть, вдруг исчезнувшие в водовороте гласности, потерявшие вдруг голос, обретут его в этой книге. К поколениям, которых нет, идет эта книга. И, может быть, в ней они найдут пищу для новых надежд, взамен старых разочарований.

Но, вообще-то говоря, не есть ли разочарования пища для мудрости?

(*"Грани"* № 151(1), 1989)

У истоков идеологической графомании*

Кто из нас, вступивших в культурную и литературную жизнь в начале 60-х, не помнит поэтических вечеров в Политехническом, прорываться на которые приходилось едва ли не через кордоны милиции...

И когда выходил, скажем, А. Вознесенский, в очередной раз еще, что называется, не просохший от Нью-Йорка или Парижа, и вдруг в наступившей тишине выкрикивал "Уберрите Ленина с денег!" – сердце уходило в пятки: "Вот так смельчак!" – и зал разражался аплодисментами.

...Вечера в Политехническом имеют свою традицию, уводящую в первые годы и даже месяцы советской власти, когда голодные энтузиасты выбирали тут "короля поэтов", а графоманы со всей страны потчевали тех же энтузиастов своей продукцией.

Но в Политехническом выступали и Блок, и Ахматова, и Хлебников, и Цветаева... Один заслуженный московский поэт рассказал мне случай, свидетелем которого он оказался. На литературном вечере в Политехническом на этот раз выступал Андрей Белый. Когда с влажными голубыми глазами и черным бантом на шее он декламировал: "Исчезни в пространство, исчезни, / Россия, Россия моя!" – "братишка"-матрос в пулеметных лентах, сложив ладони рупором из первых рядов рыкнул в ответ: "Сам исчезни!"

...Составитель вышедшего в прошлом году в издательстве "Московский рабочий" сборника стихов участников поэтических вечеров в Политехническом Вл. Муравьев утверждает: "Массовое увлечение поэзией в послереволюционные годы было выражением духовного здоровья народа, свидетельством его творческой силы".

Осип Мандельштам, правда, думал иначе: "После тяжелых переходных лет количество пишущих стихи сильно увеличилось. На почве массового недоедания увеличилось число людей, у которых интеллектуальное возбуждение носит болезненный характер и не находит себе выхода ни в какой здоровой деятельности /.../. Основное качество этих людей, бесполезных и упорных в своем подвиге – это отвращение от всякой профессии, почти всегда отсутствие вкуса ко всякому определенному ремеслу. Как будто поэзия начинается там, где кончается всякое другое ремесло, что, конечно, не верно, ибо поэт не есть человек без профессии, ни на что другое не годный, а человек, преодолевший свою профессию, подчинивший ее поэзии" (эссе "Армия поэтов", 1923 г.).

От массы виршей, опубликованных в рецензируемом сборнике, и впрямь идет жутковатый дух иступленности:

Земля! Не довольно ли стонала
Грудью задубелой в оковах?
Молотом Интернационала
Бей в рабскую седину веков!
/.../
А вы, мечтающие о Христе,
Разбивающие у икон лбы,
Разве не видите: это он на кресте
Борьбы.
Слышите: трубами бурь кличет
Над голодом и болью воспаленных ран:
– Взрывайте троны Их Величеств,
Пролетарии всех стран!..
Разрушим Старое и на его костях

* В Политехническом "Вечер новой поэзии". Стихи участников поэтических вечеров в Политехническом музее 1917–1923. Статьи, манифесты, воспоминания. "Московский рабочий", 1988 г., 415 сс.

Мозолистым Октябрем
Мирового Совдепа стяг
Взметнем.

Автору этого революционного китча С. А. Обрадовичу в момент его написания (1920 г.) было 28 лет. Сын ремесленника, типографский рабочий. "Талант" его был оценен именно благодаря революции: с 22-го года он - зав. отделом "Правды" (по протекции М. Ульяновой).

"Христос на кресте борьбы" - это, однако, ремесленник Обрадович не сам придумал, а "позаимствовал" у Блока ("Двенадцать") и Белого (поэма "Христос Воскрес"), соблазнивших одного из "малых сих"... Духовная порча носила характер эпидемический.

Вас. Александровский в 1919-ом завывает: "Рабы! / Зубами рвите порфиры, / Топчите короны владык! / Закованы руки? Есть лыбы! / Лбами разбейте кумиры!" Александровский - из семьи крестьян, до революции работал кожевником...

НЭП сделал его лиричнее, но не убавил патриотизма:

Каждый где-нибудь, чем-нибудь занят.
Солнце пьют и китаец и сарт,
Но ведь лучше быть нищим в Казани,
Чем в Париже иметь миллиард.

Афоризм, конечно, спорный, но все-таки внушающий уважение.

Год, два, три минуло после революции - но перед нами уже словно совсем другая страна; и жалко ту фанатичную, зачумленную молодежь, и страшно - она вовсе не безобидна:

Здесь начинается быль,
В небе Москвы чекан,
Как череп на склянке,
Созвездие В. Ч. К.
Над гробом Лубянки.
Милые, сколько кому
Трупного сплава?
Вот она в небе коммун
Красноармейская слава!

(В. Ковалевский)

А Ал. Крученых уже и вообще не хватает слов для адекватной передачи революционной реальности:

Дред
Обрядык
Дрададак!!!
фазузузу -
зумбр!.. бой!.. бойма!!
вр! драх!..

Вл. Кириллов впал в эйфорию сразу в 17-ом:

Во имя нашего Завтра - сождем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.
/.../
Всё - мы, во всём - мы, мы - пламень и свет
побеждающий,
Сами себе Божество, и судья, и Закон.

Всё это полубезумное словоблудие, замешанное на жажде крови и истерической экзальтации – точная проекция в словесность реальности тогдашнего бытия. Кое-где приправленное рудиментарным акмеизмом и есенинским лирическим флёром, оно, в основном, ведёт свою родословную от Маяковского, который в постреволюционное время отлично вписался именно в озверение:

Лапа класса
 лежит на хищнике –
Лубянская
 лапа Чека.
– Замрите враги!
 Отойдите лишненькие!
Обыватели!
 Смирно!
 У очага!

Эта психология потенциального (а после революции, как мы видим, вполне реального) человеконенавистничества, получившего в лице материалистической утопии теоретическую основу, с гениальной силой передана в восьмой главе "Августа Четырнадцатого" Александра Солженицына, когда молодой пятигорский лудильщик предсказывает: "Все-е будут ползать перед нами на коленях! У все-ех мощну растрясем! /.../ Всех подлецов стрелять по одному! Наели шеи жирные в крахмальных воротничках. А собачку нажмешь – мясная туша /.../. попам долговолосым – расчесать гривы, за гривы вешать".

... Наряду с маяковско-урбанистической чекистской традицией в сборнике заметна и другая: деревенско-частушечная... Вот к примеру, Филипп Шкулев (г. р. 1868; когда умер, например, Достоевский, ему было, значит, уже 12):

Меня тятенька бранит,
Маменька ругает,
Коммунистом Васенькой
Все-то попрекает.

Выйду замуж за него,
С домом распрощуся
И сейчас же в партию
Мигом запишуся.

Надоела старина,
Жить противно в мраке.
Эх, алей, пылай, душа!
Расцветайте, маки!

Нарком Просвещения Анатолий Луначарский – тоже поэт, считающийся к тому же одной из весьма крупных интеллектуальных жемчужин во властвовавшем тогда кагале (и спустя многие десятилетия не только Илья Эренбург, но и Виктор Некрасов, скажем, вспоминали его едва ли не восхищенно)...

Упорной ратью среди вод
Идут измученные люди,
Идут, суровые, вперед,
И в пене кожаные груди.

А сзади пристально и зло
С крутого берега взирает
Оскотиневшее хайло
На тех, кто в волнах умирает.

/.../

Но жабей морды мерзопасть
Уже улыбку проглотила:
Смотри: передовую часть
Заря сильней позолотила!

Смотри: в тумане маяком
Стоит там, тверд и неизменен,
Всегда живой Предсовнарком
Путеводитель мира - Ленин!

(А. Луначарский. "Картина", 1921 г.)

Как видите, случай просто клинический. Но уж если таков Нарком Просвещения, то чего же ждать от "просвещаемой" массы?

Всего четыре года назад мир облетели стихи Юрия Андропова с сакраментальной строкой "Живут и умирают человеки". Читая стихи выступавших в постреволюционное время в Политехническом, понимаешь что за литературная школа была у товарища Андропова, в каких культурных традициях он работал: это традиции, заложенные в самые первые годы советской власти, когда в общем-то в обычную для всех времен-графоманию проникла властно идеология и примитивная, поддельная "космогония". Проникла и - выпила последние соки, ту лирическую непосредственность, что порою трогает в стихе непрофессионала. Душевный порыв, вложенный в слово - подменился псевдопафосом идеологического пустозвонства и агрессивности...

Вот почему столь пронзительно и драматично звучит в этом контексте строфа из прекрасного стихотворения-завещания Александра Блока "Пушкинскому дому", прочитанного в том же Политехническом в последнюю блокавскую поездку в Москву за несколько недель до смерти:

Пушкин! Тайную свободу
пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду!
Помоги в немой борьбе.

(*"Грани" № 151(1), 1989*)

Михаил НАЗАРОВ

"Вестник РХД" №№ 152-153

"Вестник Русского христианского движения" - журнал христианской культуры с самым широким жанровым спектром: от поэзии, мемуаров, публицистики - до научных работ по истории, философии, богословию. В этой широте охвата - его индивидуальное лицо. При этом журнал не стремится реагировать на актуальные политические события. Он направлен на вечные проблемы, и выпуски десятилетней давности нисколько не выглядят устаревшими.

Так и в последних номерах - 152-м и 153-м - много ценнейших публикаций, об уровне которых говорят уже имена авторов: о. Павел Флоренский, Василий Розанов, прот. Сергей Булгаков, кн. Евгений Трубецкой, прот. Василий Зеньковский, недавно скончавшийся в России последний представитель русской религиозной философии начала века Алексей Федорович Лосев... Большинство этих текстов печатается впервые, что делает "Вестник РХД" незаменимым источником для исследователей русской культуры.

Как всегда, здесь и множество материалов самиздата, в том числе статьи из московского журнала "Выбор", из "Невского духовного вестника".

Однако, как бы подводя итоги юбилейного 1988 года, ограничимся в нашем обзоре

темой 1000-летия Крещения Руси. Тем более, что и большинство юбилейных материалов представляют собой солидные исследования.

В № 152 такова, например, статья автора из Москвы, подписавшегося инициалами В. З. С большой эрудицией он анализирует различные гипотезы "О том, где и когда крестился Святой князь Владимир и о времени крещения Руси" и заключает: "с большей степенью уверенности можно предполагать, что крещение Владимира и Руси приходится на 988 год, что освящено и церковной традицией". Разнобой же датировок в древних источниках, видимо, объясняется "досадными опечатками" как самих летописцев, так и их последующих редакторов (от этого авторы не застрахованы и в наши дни..."), а также использованием разных способов исчисления времени.

Следующий интересный период развития русского христианства - XIV в. - отражен в переведенной с английского главе из книги "Византия и возвышение Руси" прот. Иоанна Мейендорфа, декана Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йорке. Известный ученый анализирует благотворное влияние Константинопольского патриарха Филофея, ярого защитника православия и еврея по происхождению, не только на укрепление позиций московского митрополита Алексия в его противостоянии "латинству", но и на процесс национально-политического объединения русских княжеств вокруг Москвы.

В публикуемой далее главе "Подъем духовной жизни в XVIII и XIX веках" из неизданной книги прот. Сергия Четверикова рассматривается эпоха просвещения. Вернее то, как параллельно с атеистическим рационализмом, шедшим в те времена с Запада под названием вольтерьянства, в России развивалась христианская струя просветительства, связанная с деятельностью монастырей. Начало этому положил старец Паисий Величковский. Наибольшее значение для воцерковления образованной части общества эта традиция приобрела в Оптиной пустыни, которую посещали известнейшие русские писатели, философы, общественные деятели.../

Мысли прот. С. Четверикова хронологически продолжает автор из Москвы Виктор Аксючиц, один из издателей независимого журнала "Выбор". В статье "70 лет вавилонского пленения" он пишет:

"Как пастырь и духоводитель народа Церковь не смогла оказать духовного сопротивления идеологическому заражению России и мобилизовать национальное сознание на борьбу со смертельным искушением... Духовное противостояние коммунизму началось только после захвата им государственной власти в России, когда обнажается антихристианская, античеловеческая природа коммунизма... Но даже в годы кровавой гражданской войны в народе и у его духовных пастырей не доставало полного сознания инферальной сущности коммунизма. Свидетельством этого являются документы Поместного Собора 1917-18 годов и послания патриарха Тихона... В посланиях патриарха Тихона в 1918 г. анафематствуя совершающие насилие и убийства, оскверняющие святыни, посягающие на церковное имущество. Но в них нет разоблачения природы атеистической идеологии как таковой, нет и квалификации сущности коммунистической власти. Патриарх признал ее как власть "кесаря", порожденную силами мира сего, а не инферальными началами".

Это наблюдение В. Аксючица можно в какой-то мере отнести и к перепечатаваемому в том же номере "Обращению православных епископов из Соловецких островов к Правительству СССР" (1926 г.), авторы которого - уже в положении узников концлагеря уничтожения - выражали "искреннее желание положить конец прискорбным недоразумениям между церковью и Советской властью..."

"Это всеобщее недопонимание природы коммунизма и было решающей причиной того, что духовные силы России оказались ослабленными, раздробленными и разгромленными поочередно", - пишет Виктор Аксючиц. Вследствие этого пражения в официальной части Церкви произошел "чудовищный невиданный доселе компромисс христианства с открытым безбожием", позволивший, однако, Церкви выжить как организации. "Церковь, ради сохранения легального богослужения, осудила себя на отказ разоблачать ложь идеологии и насилие власти коммунизма"!/

... уникальная роль христианства в сегодняшнем оздоровительном процессе, к сожалению, осознается далеко не всеми. (Включим в обсуждение Андрея Бессмертного из № 153: "Характерно, что правозащитники из чисто "светской" среды, при всей важности и серьезности их деятельности не понимают до конца" этого и восприни-

мают свободу совести "лишь как одну из множества прочих проблем"). А ведь христианская борьба против коммунистической идеологии, - продолжает В. Аксютин, - "сегодня является борьбой не против людей, а за их души, за наше духовное состояние и за облик души наших "врагов", которые, по заповеди "возлюби врага своего", оказываются не противниками нашими, а заблудшими братьями во Христе"/.../

*

В № 153 уже упомянутый выше Андрей Бессмертный-Анзимиров, тоже москвич, отмечает однако, что пассивность и запуганность сегодняшнего возглавления Церкви не соответствуют энергии христианской общественности. "Такие церковные деятели, являющиеся живым анахронизмом, тормозят перестройку и демократизацию в нашей стране и в нашей Церкви..." Это вызывает у верующих искреннюю боль и заставляет полагать, что "в настоящее время на первый план выступает личная вера, и что реальной церковной основой становятся сообщества церковных мирян..." Видимо, только их инициатива снизу сможет вывести Церковь из навязанного ей властью "состояния апартеида"/.../

...позволим себе, слегка выйдя за рамки поставленной темы 1000-летия русского христианства, отметить еще две важных публикации из того же, всегда интересного, раздела "Судьбы России" в № 153.

Это прежде всего стптя Солженицына "Черты двух революций" - революции Французской конца XVIII в. и Российской начала XX-го. В процессе работы над "Красным колесом" - своей главной книгой - Солженицын приобрел исключительную зоркость в отношении метафизической глубины революционных событий. На этом видении и построены его интереснейшие параллели в статье, которые тем более поучительны, что сравниваемыреволюции, хотя и принадлежат к разным стадиям человеческой истории, все же лежат в общем духовном - антихристианском - русле:

"...обе они проявились как революции идеологические. Обе они взорвались вследствие реальных обстоятельств, но обе имели столетнюю подготовку в просвещении... Революция произошла в духе раньше, чем в реальности, власть была обессилена философами, публицистами, литераторами..."

Духовная единоприродность обеих революций проявляется и в видимых их результатах. Обе ведут к разорению страны, озверению нравов, упадку культуры, к прорыву наружу самых темных инстинктов и к сознательной ставке на них "...всякая революция насыщена сгущенным цветом отвратительных фигур, она как бы взмучивает их с морального дна, притягивает из разрозненности и небытия, а некоторых даже и обожествляет... Открывает революция черные пропасти в таких людях, которые без не прожили бы вполне благопристойно. Приоткрывает нам большая революция и такие глубины бытия, которые сомнительно назвать просто физическими. И которые доньше услеживаются лишь немногими".

"А вот существенное различие", - отмечает Солженицын: "Якобинцы не выполняли задачи последовательного разрушения своей нации и национального чувства, у них слово "патриот" не только не было запрещено, но стало гордым синонимом якобинца и революционера. Ленин же говорил: "мы - антипатриоты", и большевики последовательно проводили уничтожение русского самосознания (в миллионах жертв - и русского тела), - и так было до тех пор, пока нависла угроза Гитлера, и нечем больше было спасти государство, как русским патриотизмом. Это различие во многом объясняется тем", что российская революция "осложнялась пестрой многонациональностью страны".

Национальной проблеме как раз и посвящена следующая, полученная из СССР, статья М. Широкого в том же разделе. Она заслуживает внимания всех националистов... А внимания русских националистов статья М. Широкого заслуживает в той мере, что, сам относя себя к ним, он пишет: "Русским национально-патриотическим силам следует признать, что представление национальной независимости союзным республикам - по сути равноценно обретению независимости самим русским народом"/.../

Кроме цитированных статей, в обоих номерах "Вестника РХД" публикуются ответы церковных и общественных деятелей на анкету в связи с 1000-летием Крещения. В № 153 есть прочитанный во Флоренции доклад автора с редкой биографией: протоиерея Игоря Экономцева, 1939 года рождения, бывшего сотрудника советского посольства в Греции, который в 1986 году стал священником и преподает в Московской духовной академии. Рядом - доклад эмигрантского автора (прот. Иоанна Мейендорфа), прочитанный на конференции в Ленинграде... Как мы видим, границы становятся все более проходимыми в обоих направлениях, что теперь заметно отражается на составе авторов в большинстве изданий российского зарубежья. Да и сам "Вестник РХД", как сообщает его ответственный редактор Никита Струве, с недавнего времени больше не задерживается советскими таможенниками...

*

Всего в коротком обзоре, конечно, не охватишь. Однако трудно оставить без внимания еще один, к сожалению неюбилейный, аспект состояния русского православия в канун юбилея: межюрисдикционные разногласия в православном зарубежье. На эту тему в "Вестнике" вновь напечатаны дискуссионные материалы. Не входя в их рассмотрение, как и в анализ основных - канонических - причин разногласий, хочется заметить, что обличение недостатков друг друга не может быть эффективным путем к их преодолению, как и к преодолению этого чрезмерно затянувшегося конфликта, не делающего честь российскому зарубежью в целом.

Не пора ли вместо упреков осознать правомерность и закономерность разных позиций, признать право на неодинаковость? Право "зарубежной" Церкви считать себя свободной частью Русской православной Церкви, находящейся в политической эмиграции. И право другой части попавшего в эмиграцию русского духовенства видеть свою миссию в распространении православия в странах своего проживания /.../

Закончим еще одной цитатой из статьи Виктора Аксютчица:

"Можно назвать разделение русских Церквей в зарубежье - распадением. Но можно увидеть в этом и провиденциальное выделение различных путей единого русского Православия. Если служение "Карловацкой" Церкви требует замкнутости и своего рода избранности меньшинства, то Европейская и Американская русские* православные Церкви, напротив, воплощают собой всечеловеческую открытость русского православия.

Зарубежным Церквам в условиях свободы удается сохранить и развить ощущение самоценности свободы и достоинства личности, что жизненно важно при попрании в России этих великих ценностей. Хотя и недостает всем нам чувства соборного единства русского Православия. От наших братьев в рассеянии звучит нам свободный голос истины Божьей, русской православной культуры, не замутненной идеологией.

Таким образом, истина Православия хранится не в Московской Патриархии или Катакомбах, не в Американской, европейской или "Карловацкой" Церквях. Полнота истины русской Церкви - в соборном единстве всех ее членов".

("Посев" № 1, 1989)